

СЛОНЫ И БУБЕНЧИКИ: ГОСУДАРСТВА МЬЯНМЫ ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XV в.

В статье анализируются образы государств Авы и Пегу в двух отчетах, оставленных купцами из итальянских морских республик: венецианцем Никколо Конти (1439) и генуэзцем Иеронимо ди Санто Стефано (1499). Автор статьи рассматривает основные средства портретирования социальных и религиозных практик Юго-Восточной Азии в этих документах, показывает особенности восприятия телесной культуры региона человеком позднесредневекового Запада. В работе также прослеживается эволюция в средневековом дискурсе о Востоке укоренившихся образов Индии или Индий как таинственного края ойкумены в сторону более реалистичной картины под влиянием личного опыта путешественников.

Ключевые слова: Венецианская республика; Генуя; Мьянма; Никколо Конти; Иеронимо ди Санто Стефано; ориентализм; средневековые путешествия.

Приращение знания средневекового Запада об Индии и Юго-Восточной Азии накануне Великих географических открытий, а с ним и неизбежная переоценка державшихся веками представлений о «чудесах Индии» были осуществлены главным образом путешественниками и картографами Венеции и Генуи. К самым ранним европейским документам о государствах Ава и Пегу — крупнейших в XV в. державах Мьянмы — относятся отчеты двух купцов из итальянских морских республик: венецианца Никколо Конти [Bracciolini] и генуэзца Иеронимо ди Санто Стефано [Santo Stefano]. Два описания государств Мьянмы, оставленные венецианцем и генуэзцем, отстоят друг от друга на шесть десятилетий и имеют существенные отличия. Несмотря на то, что оба итальянских источника об Аве и Пегу составлены в форме маршрутного описания, в них по-разному расставлены акценты. Вместе эти документы дают ценный материал по истории Юго-Восточной Азии и отражают эволюцию средневекового дискурса о Востоке в XV в. Кроме того, сами тексты были включены в географическую традицию Запада и оказали влияние на ее дальнейшее развитие.

Ава (искаженное название от Ин-ва) была основана в 1364 г. на притоке реки Иравади и в XV в. оставалась главным политическим центром бирманцев [История Востока, т. 2, с. 593]. Монское государство Пегу образовалось на юге центральной части современной Мьянмы в 1281 г. вслед за коллапсом Паганской державы [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 167] и быстро стало важным центром морской торговли. Сведения об этих государствах в текстах итальянцев позволяют выявить ряд аспектов ренессансного ориентализма или, как предлагает новозеландская исследовательница К. Филлипс, взглядов на Восток «до ориентализма», т. е. до колониальной экспансии Нового времени [Phillips, p. 3].

Юго-Восточная Азия в трудах античных авторов была представлена очень фрагментарно. Э. Саид, настаивавший на радикальном пересмотре всей предшествовавшей востоковедческой традиции, утверждал: «Если сознанию приходится

иметь дело с радикально новой формой жизни — как, например, с исламом, пришедшим в Европу в начале средневековья, — то реакция целого будет консервативной и оборонительной» [Саид, с. 93]. Источниковый материал, оставленный итальянскими купцами-ориенталистами, позволяет проверить правомерность этого тезиса. Рассмотрение сведений о государствах нынешней Мьянмы в их отчетах дает возможность определить степень зависимости авторов от устойчивых в Средние века представлений об «Индиях», а также особенности переработки этих мифологем под влиянием личного опыта путешественников. Основная задача данной статьи — анализ трансформации европейских представлений о Востоке на примере образов государств Мьянмы в итальянских травелогах.

К середине XV в. Венецианская республика пользовалась славой самого информированного о восточных делах европейского государства. Венецианский купец Никколо Конти (ок. 1395–1469), знатный уроженец Кьоджи [Le voyage aux Indes, p. 8], около четверти века провел в поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии. Его рассказы о далеких землях сохранились в изложении секретаря папы и флорентийского гуманиста Поджо Браччолини (1380–1459), беседовавшего с путешественником в 1439 г. и позднее включившего его повествование в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы» [Bracciolini], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура [Тафур, с. 95–112]. Сообщения купца об Аве и Пегу дошли до нас в труде Поджо — одном из программных текстов итальянского гуманизма, и, стало быть, претерпели литературную обработку и явились частью гуманистического дискурса о Востоке. Повествование Конти в записи Поджо — текст, рассчитанный на образованных и взыскательных читателей эпохи Ренессанса.

В отчете Никколо Конти все земли, лежащие к востоку от Ирана, названы «Индией», что типично для средневековых западных источников. «Вся Индия, — сообщал путешественник, — разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — все, что далее. (Третья часть. — Д. В.) намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» [Bracciolini, p. 139]. Таким образом, Юго-Восточная и Восточная Азия, включая Китай, охватывались термином «Третья Индия», что создает известные трудности для интерпретатора. Условное сегментирование Индии традиционно для средневековых источников. Деление Индии на две (ближняя и дальняя) или три части появляется в апокрифических сказаниях о проповедях апостолов Фомы и Варфоломея в восточных землях [Мельникова, с. 102]. Своеобразное наследие этого деления на ментальной карте Запада — установившиеся после открытия Америки понятия Ост-Индии и Вест-Индии.

Конкретных дат пребывания венецианца в Юго-Восточной Азии Поджо не приводил. Как отмечает К. Бризил, можно утверждать лишь то, что Конти побывал на Суматре, в Тенассериме и в районе нижнего и среднего течения Иравати (Давы у Конти) во второй половине 1420-х гг. и, возможно, в начале 1430-х [Breazeale, p. 102]. Никколо Конти достиг территории современной Мьянмы, отправившись морем из индийского порта Буффетания (его идентификация

затруднительна). Через месяц пути венецианец прибыл к устью реки Рахан. «Оттуда он (Кonti. — *Д. В.*) за шесть дней добрался до города с тем же именем, воздвигнутым на берегах этой реки» [Bracciolini, p. 132]. Рахан отчета Конти — это Аракан (Рокхайн), который всю первую четверть XV в. был яблоком раздора между Авой и мусульманским Бенгальским султанатом. В 1430 г. царь Нарамейхла провозгласил независимость Аракана от Авы при поддержке бенгальцев и вскоре основал новую столицу Мраук-У (Мрохаун), после чего Аракан надолго стал данником Бенгалии, а его монархи покровительствовали мусульманам и включали в свою титулатуру арабские термины [История Востока, т. 2, с. 597]. Это позволяет утверждать, что Никколо Конти отплыл в Аракан из порта, принадлежавшего именно Бенгалии. Правда, торговлю и внешнюю политику Мраук-У венецианец не затронул в отчете.

Из Аракана купец отправился в Аву. Описания городов и областей в отчете составлялись Конти по определенному трафарету: стандартный набор данных о городе или острове включал его название, размеры и товары, которые его жители предлагали. «Затем, пройдя семнадцать дней по горам, лишенным человеческого жилья, и пятнадцать — по открытым равнинам, он начал путь по реке больше Ганга, которую жители называют Дава. Месяц проплыв на корабле вверх по реке, он прибыл в город, наибогороднейший из всех, зовущийся Ава и занимающий окрестность в пятнадцать миль. Только в этом городе есть много лавок смешного и непристойного товара, о котором я (Браччолини. — *Д. В.*) написал забавы ради. В них одни женщины торгуют тем, что мы зовем бубенчиками (*sonalia*), как я считаю, от слова «звук» (*sonus*): золотыми, серебряными, медными, величиной с маленький лесной орешек. В эти заведения приходит мужчина перед тем, как взять жену, ведь в противном случае ему будет отказано в браке. После того, как кожа мужского органа надрезана и приподнята, между кожей и плотью в разные места вставляют до двенадцати и более этих бубенцов, по желанию. Кожа зашивается и заживает в течение нескольких дней. Это служит насыщению сладострастия женщин <...> Женщины часто предлагали такую услугу Никколо, смеясь над ним из-за малых размеров его Приапа, но он не пожелал ценой своей боли доставлять наслаждение другим» [Bracciolini, p. 132].

Вызывает удивление, что единственным товаром «наибогороднейшей» Авы, упомянутым купцом, оказались бубенчики, традиционные для сексуальной культуры многих народов Юго-Восточной Азии, а не только жителей Авы, как пытался показать венецианец. Браччолини, который, по собственному замечанию, привел игривый рассказ Конти о бубенцах для развлечения читателя, мог просто пропустить информацию о торговле Авы. В Новое время генитальные бубенчики стали одним из главных топосов в рассказах о Бирме и Сиаме и экзотическим объектом коллекционирования: английский купец елизаветинского времени Ральф Фич привез на родину «множество этих колокольцев» [Nocentelli, p. 30].

Описание Авы у Конти свелось к рассказу о преобразовании человеческого тела. По словам Ж. Ле Гоффа, в Средние века «тело представляло собой важнейшую метафору, при помощи которой описывалось общество и его институты» [Ле Гофф, Трюон, с. 10]. Путешественник видел общество Авы не только

богатым, но и пресыщенным излишествами, ведь описанная телесная операция, по его мнению, производилась только с целью доставить наслаждение женщине. Язык сексуальности — одно из самых наглядных средств изображения инакости. Конти отмечал обилие в Индии «публичных женщин» («ведь индийцы склонны к сладострастию» [Bracciolini, p. 140]). По его свидетельству, в южноиндийском Каликуте (Кожикод) женщины «могут из-за сладострастия иметь десять и более мужей» [Ibid., p. 138]. Венецианец видел причину локальной полиандрии в природном сладострастии (libido) индийцев, ставшем общим местом ориентализма. И жителям Нусантары, которых купец считал «бесчеловечнейшими людьми», склонными к амоку¹ и кровавым воинским потехам, в рассказе венецианца приписывалось обостренное либидо: «Жен они заводят столько, сколько требует их вождение» [Ibid., p. 135]. Характерно, что в мусульманской традиции также существовало представление об особом сластолюбии индийцев, сложившееся еще до масштабных завоевательных походов мусульман в Индию. Богослов и историк Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (839–923) писал в «Истории пророков и царей»: «Было разделено вождение на десять частей, и девять пришлось на долю индийцев, а одна на остальные народы» [Ат-Табари, с. 101]. На средневековом Западе клише о сладострастии транслировались на самих мусульман не в меньшей степени, чем на жителей условной Индии. Хроники крестовых походов Гвиберт Ножанский и Готфрид из Витербо изображали ислам религией, потворствующей плотским утехам [Лучицкая, с. 133].

В описаниях Каликута и особенно Авы у Конти женщина фигурирует более как субъект, нежели объект вождения, в отличие, например, от картины нравов яванцев. Спустя полтора столетия после путешествия Конти, венецианский ювелир Гаспаро Бальби посетил Пегу. В объемном труде «Путешествие в Восточные Индии» («Viaggio dell' Indie Orientali», 1590) Бальби многое сообщил о шокировавших его сексуальных практиках Пегу, отметив распространение телесных трансформаций: «В этом царстве не найти девственниц, а все женщины с детства помещают в детородные места некоторую смесь, которую они кладут еще и в ушные отверстия, чтобы сделать их шире» [Balbi, p. 107]. И у Конти, и у Бальби основная черта сексуальной культуры Индокитая — это деформация тела, искусственное вмешательство в его естественные параметры с целью, как полагали венецианцы, чисто гедонистической. Если жители всех «Индий» показаны Конти склонными к страсти от природы, то в Аве, городе «Третьей Индии», наиболее урбанизированной и богатой области, эта предрасположенность подпитывалась болезненными операциями.

Далее в отчете Конти следует рассказ о стране Мацин (Macinum): «Эта провинция, именуемая жителями Мацин, изобилует слонами, а ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки, откуда восемь или десять человек ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами» [Bracciolini, p. 132]. Название Мацин (Мачин, Масин) получило распространение в трудах средневековых мусульманских

¹ Амок — психическое состояние буйства и ярости у народов Нусантары.

авторов применительно к Китаю в качестве второй части парного персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) для Северного и Южного Китая соответственно [Бартольд, т. 5, с. 87]. Крупный сановник государства Хулагуидов и автор «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей», 1311) Рашид ад-Дин утверждал, что Мачин (Маха-Чин, «Большой Чин») — слово индийского происхождения [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 164]. В ряде южноиндийских тантрических текстов Махачина («Великий Китай») была названа источником тайной йогической премудрости [Торчинов, с. 217]. По мнению Е. В. Торчинова, именно этот взгляд, отражавший эпизодические заимствования в индийской алхимии из китайской даосской, повлиял на арабских авторов, считавших Китай родиной чародейства [Там же]. Через посредничество географической традиции мусульманского мира индийский экзотопоним Махачина проник в европейские труды о Востоке. В ряде европейских травелогов, в частности, сочинениях венецианца Иосафата Барбаро и тверича Афанасия Никитина, термины Чин и Мачин, как и в работах мусульманских географов, относились к Китаю [Волков, с. 86, прим. 13]. В отчете Конти Китай — и северный, и южный — именовался Катай [Bracciolini, p. 134]. Конти, владевший арабским и персидским языками, побывавший членом персидской купеческой корпорации, а в конце путешествия вынужденно принявший ислам [Ibid., p. 126–128], неплохо знал географическую традицию исламского мира. Авторы лондонского издания источников по Индии в XV в. полагали, что Мачин, указанный Конти, — это, скорее всего, Сиам [The Travels of Nicolò Conti, p. 11]. На карте мира венецианского монаха Фра Мауро от 1459 г. к области Мачин отнесены современные Таиланд, Камбоджа, Бангладеш и даже Северо-Восточная Индия [Волков, с. 87, прим. 13]. Эта карта составлена во многом по данным Никколо Конти [Le voyage aux Indes, p. 36]. Скорее всего, Мачин — общее название государств Юго-Восточной Азии, включая Аву, Пегу и сиамскую державу Аютию, находившуюся во время его путешествий по Азии на подъеме могущества.

Своего рода «визитной карточкой» Мачина в рассказе венецианца был слон. В районе Тенассерима, куда Конти прибыл с Суматры, этих животных водилось особенно много [Bracciolini, p. 131]. «Домашние слоны, — сообщал Конти, — питаются рисом и маслом, а лесные — ветвями деревьев и травами» [Ibid., p. 133]. Уже в этой реплике на примере пищевых образов прослеживается основная оппозиция всего повествования: противопоставление рафинированной городской культуры варварству периферийных племен. Прирученный слон, как полагал венецианец, транслируя укорененное еще в античности представление о слонах [см.: Pliny the Elder, VIII. 1, vol. 3, lib. VIII, p. 2], — необычайно умное и преданное существо. Описание купцом приручения слона, завершавшегося проходом по городу между двумя ручными слонами, напоминало своего рода инициацию — преодоление дикости и утверждение в культуре [Bracciolini, p. 132–133]. Это, несомненно, импонировало гуманисту Поджо. Браччолини указал, что способ поимки мачинских слонов для войска совпадает с практикой, описанной Плинием Старшим [Ibid., p. 132]. Носорог также назван в отчете в числе животных Мачина [Ibid., p. 134].

Упоминание Конти числа «десять тысяч слонов» не следует понимать буквально или как обыкновенное преувеличение. «Десять тысяч слонов» — классический бестиарный код могущества в индо-буддийском мире. Еще в «Махабхарате» богатырь Бхима предстал «сильным, как десять тысяч слонов» [Махабхарата, III. 175. 1–21, кн. 3, с. 358–359]. В Юго-Восточной Азии подобные количественно-зоологические эпитеты встречались в титулатуре монархов. «Властелин ста слонов, властелин белого слона» — стандартная часть титула средневековых мьянманских и монских правителей [Сказки народов Бирмы, с. 354, 578]. Лаосское государство Лансанг именовалось «Королевством миллиона слонов и белого зонтика» [Fox-Stuart, p. 96]. По свидетельству Конти, повелитель Мацина, под которым мог подразумеваться государь Авы, Пегу или Аютии, ездил на белом слоне. Шею животного украшала золотая цепь с драгоценными камнями [Bracciolini, p. 133]. Перо Тафуру Конти поведал о поклонении белому слону как божеству «в земле язычников» [Тафур, с. 106–107]. Почитание белых слонов было широко распространено в индо-буддийском мире. В Мьянме и Аютии белый слон считался атрибутом идеального буддийского государя — чаккаватти (чакравартина), и монархи, претендующие на такой статус, нередко развязывали войны за обладание этими живыми сокровищами [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 412–413]. Гаспаро Бальби, описывая военные кампании Пегу, привел эпизод, показывающий отношение монахов к монаршему слону, а также обнаружил собственные «плинианские» взгляды на разум и чувства животного. Захваченный государем Пегу царский слон из Авы скорбел в плену, плача и держа хобот опущенным, отказывался от пищи пятнадцать дней, так что пегуанцам пришлось умолять его смириться с переходом на службу к более славному правителю, чем прежний хозяин [Balbi, p. 114].

Дополнительную информацию о Мацине можно извлечь из описания мохнатых быков, тоже помещенных Конти в эту область. В верхней части Мацина, ближе к границам Китая, согласно его отчету, водились белые и черные быки, из которых более всего ценились длинношерстные животные с хвостом, свисающим до копыт и напоминающим лошадиный, но более пушистым. «Тончайшая и легкая, как перья, шерсть их хвоста ценится на вес серебра, — сообщал путешественник, — из нее делают опахала для церемоний в честь богов и царей» [Bracciolini, p. 134]. Далее Конти отметил, что знатные воины ценили шерсть быков как украшение для боевых коней, обрамляли ею наконечники копий в знак своего благородного происхождения [Ibid.]. Речь здесь, скорее всего, о яках. Наблюдательный купец весьма точно охарактеризовал назначение изделий из хвостов яков в церемониале индо-буддийского мира. Опахала из ячьего волоса как символы монаршей власти упомянуты в цейлонской «Махавамсе», они встречаются на барельефах Ангкора и Боробудура [Quaritch Wales, p. 100]. Яки — холодолюбивые животные, обитающие в Гималаях и горных районах Центральной Азии. Но Конти локализовал их в Мацине, что усугубляет расплывчатость этого топонима в отчете. Путешественник мог спутать места происхождения яков и страны, в которых их шерсть особенно востребована. Можно предположить, что Мацин Конти — обозначение буддийского мира в целом, включая Тибет.

Про обычаи жителей Мацина Конти сообщил, что мужья довольствуются одной женой, и все — мужчины и женщины — наносят на тело железной иглой постоянные рисунки [Bracciolini, p. 133]. Конти вновь указал на деформации человеческого тела — самое выразительное отличие Индокитая от Европы в отчете купца. Татуировка действительно широко практиковалась в Юго-Восточной Азии, в частности, в Аютии [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 428, 583]. А тотальную моногамию Конти скорее приписывал жителям «Третьей Индии», поставленным им на вершину культурной иерархии Азии, возможно, чтобы подчеркнуть определенную близость их нравов европейским, несмотря на различное отношение к телу.

В отчете зафиксирован маршрут из Авы в Пегу: «Из Авы он (Конти. — Д. В.) отправился по направлению к морю и через семнадцать дней достиг устья небольшой реки, где находится порт под названием Ксеитона. И оттуда он за десять дней по реке добрался до многонаселенного города окружностью двенадцать миль, который жители зовут Панковией, и пробыл там четыре месяца. Только в этом месте можно найти лозы, но и здесь их очень мало, ведь в целой Индии нет ни лоз, ни вина. Из виноградных гроздей местные жители не делают вина. У них есть сосны, золотые яблоки, каштаны, дыни, правда, маленькие и зеленоватые, белый сандал и камфора. Камфора таится в дереве, и, если перед тем, как надрезать кору, жители не совершат приношений своим богам, то она пропадет и больше не появится» [Bracciolini, p. 134–135]. После четырехмесячного пребывания в Пегу Конти отправился морем на юг — на Большую и Малую Явы (Борнео и Ява, как полагает большинство исследователей [Breazeale, p. 102; Le voyage aux Indes, p. 27–28], либо собственно Ява и южная часть Суматры). Ж. Бушон в предисловии к французскому изданию отчета Никколо Конти считает, что речной порт Ксеитона в отчете — это Ситаун [Le voyage aux Indes, p. 28].

В описании Пегу у венецианца перечислены в основном товары растительного происхождения. Не исключено, что лоза, обнаруженная Конти в Пегу, — не виноградная, а бетелевая. Свежие листья бетелевой лозы — основной ингредиент жвачки бетеля, наряду с орехом арековой пальмы. Бетель распространен по всей Южной и Юго-Восточной Азии и веками применяется в ритуалах и общественных делах [The Cambridge History of Southeast Asia, p. 498]. Купец едва ли избежал употребления этого возбуждающего средства при участии в торговых операциях от Аракана до Чампы. Хотя Конти не вдавался в подробности употребления этой лозы, возможно, его замечание об отсутствии вина в Индии — указание на параллель между функциями вина и бетеля в пищевой культуре средиземноморской Европы и Юго-Восточной Азии соответственно.

Конти зафиксировал анимистические представления монов, связанные со сбором камфоры. Других сведений религиозного характера конкретно о Пегу и Аве венецианец не приводил. Тем не менее, заслуживает внимания характеристика религиозной жизни всего региона Мацин в отчете. «Все они, — утверждал Конти, — поклоняются идолам, однако, встав с ложа, они обращаются к Востоку и, сложив руки, молятся: “Бог тройственный и закон Его, храни нас”» (Deus trinus

et lex ejus eadem, nos tuere) [Bracciolini, p. 133]. В это замечание заложена антитеза: с одной стороны, жители названы идолопоклонниками, с другой же, в тексте их молитвы, приведенном в травелог, европейскому читателю легко было увидеть черты христианского догмата о Троице. Авторы последнего французского издания отчета Конти полагают, что в приведенной путешественником мантре, возможно, фигурировала индуистская триада Брахмы, Вишну и Шивы — Тримурти [Le voyage aux Indes, p. 148]. Но, поскольку речь шла именно о землях Маина, а не «Центральной Индии», все же более вероятно, что христианскую Троицу путешественнику напомнила буддийская формула «трех сокровищ» (триратна): Будда, дхарма и сангха. Такая трактовка свидетельства Конти встречается в труде британского востоковеда и колониального деятеля сэра Генри Юла (1820–1889). Юл, участвовавший в дипломатической миссии в Аву в 1855 г., утверждал: «Нет сомнения, что он (Конти. — Д. В.) слышал о “трех драгоценностях”, триаде Будды, дхармы и сангхи» [Yule, p. 208]. Эта интерпретация выглядит вполне убедительной, однако требует разъяснения с точки зрения интеллектуального контекста средневекового Запада.

По мнению авторитетнейшего богослова XIII в. Фомы Аквинского, до пришествия Христа обычным людям для спасения необходима была лишь неясная (implicita) вера в Троицу и в Искупителя [Черняк, с. 265]. Фома утверждал: «Вполне вероятно, что таинство нашего искупления было открыто многим язычникам до пришествия Христа, как это явствует из сивиллиных пророчеств» [цит. по: Там же]. Это положение томизма было мало востребовано современниками Аквината, однако в эпоху гуманизма пристальное обращение к античному наследию придало особую важность размышлениям о спасении язычников. Преобразование в тексте Браччолини трех сокровищ буддизма в Троицу свидетельствует о стремлении венецианского путешественника и папского секретаря отыскать в верованиях язычников с рафинированной культурой идеи, хотя бы отдаленно напоминающие христианские. Так эти верования получали интеллектуальную легитимность при включении в гуманистический дискурс. Подобным же образом итальянские гуманисты XIV–XV вв. стремились примирить и совместить вновь постигаемое наследие греко-римской словесности с христианством. Поэтому Конти считал жителей Третьей Индии — Юго-Восточной Азии и Китая — равными по культуре, нравам и образу жизни европейцам и, в целом, им симпатизировал. Об индуистских и буддийских храмах Конти сообщал: «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши» [Bracciolini, p. 143]. Возможно, не последнюю роль в указаниях рассказчика на некоторое подобие религиозных практик Индии и Юго-Восточной Азии христианству сыграло искреннее желание венецианца оправдаться перед папой и вернуться в лоно церкви после многолетних странствий.

Несмотря на то, что Конти не проводил различий между индуизмом и буддизмом, считая и то, и другое идолопоклонством, его замечание о молитвенной формуле может быть рассмотрено, во-первых, как обозначение религиозной специфики Индокитая, а во-вторых, как стремление венецианца подчеркнуть сходство между реалиями Юго-Восточной Азии и христианского мира.

Рассказ генуэзского купца Иеронимо ди Санто Стефано, который «мало пользуется вниманием ученых» [Phillips, p. 44], о путешествии по Ближнему Востоку, Ирану, Индии и Юго-Восточной Азии сохранился в его письме партнеру Джованни Якопо Майнерио из сирийского Триполи от 1 сентября 1499 г. [Santo Stefano, p. 10]. Данные о Востоке, приведенные в послании генуэзца, оказались востребованы его современниками, в частности, португальцами, начавшими экспедиции в Индию. Впервые письмо ди Санто Стефано было напечатано уже в 1502 г. в Лиссабоне в сборнике вместе с переводами книги Марко Поло и отчета Никколо Венецианца (Конти) [Rogers, p. 188].

Как и Конти, генуэзец относил страны Юго-Восточной Азии к Индии, но в его отчете Индия делилась не на три, а на две большие области. Ди Санто Стефано сообщал, что город Пегу расположен в Нижней Индии [Santo Stefano, p. 6], которая противопоставлена Верхней Индии, т. е. Индостану. Генуэзец писал о Пегу: «Здесь живет великий государь, который имеет более десяти тысяч слонов и ежегодно получает приплод в пятьсот зверей» [Ibid.]. Как и его венецианский предшественник, ди Санто Стефано задействовал местные бестиарные образы могущества. Титулы государей механически становились средством географического описания их владений. Купец отметил, что целью путешествия, которое он совершал вместе с другим генуэзцем Иеронимо Адорно, была Ава, расположенная в пятнадцати днях пути от Пегу. В Аве генуэзцы собирались закупить рубины и другие драгоценные камни, которыми славилось это государство. «Однако, — сообщал ди Санто Стефано, — тогда между двумя принцами была война, и никому не было дозволено ехать из одного места в другое. Поэтому мы вынуждены были продать в означенном городе Пегу наши товары, которые были такого рода, что купить их мог только повелитель города. Он идолопоклонник, как и упомянутые ранее» [Ibid.]. Подобно Никколо Конти, ди Санто Стефано не проводил грани между индуизмом и буддизмом, но в его травелоге минимум сведений о стране включал вероисповедание правителя или населения, причем варианта было лишь два: мусульманин (мавр) или идолопоклонник.

Полную сумму за товары, оцененные генуэзцами в две тысячи дукатов, царь выплатил лишь через полтора года, и все это время купцы проживали у него во дворце. Бинья Ран II, царствовавший в Пегу, покровительствовал купцам и в 1505 г. радушно принял в своем дворце еще одного итальянца — авантюриста из Болоньи Лудовико да Вартема [Берзин, с. 129]. Последний восторженно писал о правителе: «Он так человечен и прост в общении, что даже ребенок может с ним беседовать, а носит он на себе больше рубинов, чем стоит громадный город, ими украшен каждый палец его ног» [Varthema, p. 219–220]. Генуэзцам же за десять лет до визита Вартемы условия жизни в доме монарха показались слишком суровыми. Ди Санто Стефано и Адорно страдали там то от холода, то от зноя [Santo Stefano, p. 6]. Здесь следует отметить, что, во-первых, климат был важным символическим элементом картины мира средневекового человека. К примеру, для Марко Поло главной положительной характеристикой климата того или иного места была умеренность: «Много всякого добра в городах и замках, и нет тут ни большой жары, ни большого холода; все в меру» [Книга Марко Поло,

с. 52]. Во-вторых, обилие крайностей — одна из устойчивых характеристик края ойкумены — Индии, в противоположность «умеренной» Европе.

Впрочем, не стоит целиком списывать недовольство генуэзца условиями при дворе на средневековые топосы негостеприимства. О том, что климат приморского государства Пегу холоднее, чем у соседей, не без удивления сообщал да Вартема [Varthema, p. 216]. Иеронимо Адорно тяжело заболел и «после пятидесяти пяти дней страданий, за время которых с ним не было ни врача, ни лекарств, отдал душу Господу нашему <...> двадцать седьмого декабря в день Святого Иоанна года 1496» [Santo Stefano, p. 6]. Ди Санто Стефано похоронил друга в «разрушенной церкви, в которую никто не ходил» [Ibid.]. Генуэзец сообщил, что в Каликуте насчитывалась тысяча христианских домов [Ibid., p. 5], но не оставил свидетельств о христианах в Пегу, кроме упомянутой заброшенной церкви. Между тем, да Вартема писал, что на службе у пегуанского царя состояло более тысячи христиан [Varthema, p. 217]. Вартема не указывал, к какой конфессии эти христиане принадлежали, но, видимо, речь шла об индийских несторианах, о которых Никколо Конти заметил, что они «рассеяны по всей Индии, как евреи среди нас» [Bracciolini, p. 129]. В более позднее время государства Мьянмы привлекали армянских купцов из Ирана и Индии, которым нередко удавалось занимать важные государственные посты на новом месте. Первые представители армянской общины появились на территории современной Мьянмы в XVII в., а самое раннее армянское надгробие в этих местах датировано 1725 г. [Козьма, с. 20]. Сведений о том, пытались ли Конти и ди Санто Стефано сделать карьеру при дворе монархов Юго-Восточной Азии, в отчетах не сохранилось.

Оставив Пегу, ди Санто Стефано отправился в Малакку, но из-за бури корабль остановился у берегов Суматры. Генуэзец сообщил о местном монархе: «Вождь — мавр, но говорит на ином языке» [Santo Stefano, p. 7]. Правитель, — вероятнее всего, султан Самудры-Пасея² на севере Суматры — приказал конфисковать товары ди Санто Стефано на основании того, что его компаньон Адорно умер, не оставив наследника. Но благодаря расположению местного кади, немного говорившего по-итальянски, генуэзцу удалось вернуть часть имущества [Ibid., p. 7–8].

Ди Санто Стефано, в отличие от Конти и Бальби, в своем повествовании не уделил внимания сексуальной культуре бирманцев и монов, однако упоминал полиандрию в Каликуте. «Любая дама, — писал путешественник, — может выйти за семь или восемь мужей сразу, в зависимости от меры своего влечения» [Ibid., p. 5]. Как и Конти, генуэзец объяснял практики полиандрии женской страстью.

Страх смерти на чужбине преследовал генуэзского купца, особенно после ухода из жизни его спутника в Пегу, но посреди невзгод он все же находил утешение в вере. «Можно видеть, что позднее Средневековье, — замечал Й. Хёйзинга, — не могло воспринимать смерть ни в каком ином аспекте, кроме как в аспекте бренности всего земного» [Хёйзинга, с. 234]. Письмо ди Санто Стефано пронизано ощущением всеисилия судьбы. Образы судьбы в письме — бурное море

² Автор благодарит за консультацию доктора исторических наук, профессора Владимира Александровича Тюрина.

и руины храма. Правители Пегу и Пасея, перед которыми чужеземец бесправен, представлены олицетворениями безжалостного рока. Характерно, что такие образы непознанного, как народы-монстры или фантастические звери, у ди Санто Стефано уже не встречаются. Пегу для генуэзского путешественника — одновременно область богатств и опасностей, страна на краю мира и мир крайностей.

Ди Санто Стефано, в отличие от Конти, не смог добраться до Авы, главного центра «Нижней Индии», из-за очередной войны между бирманским и монским государствами. Ава и Пегу в обоих источниках предстали богатыми странами, стоящими на пути транзитной торговли по суше и морю. Венецианский и генуэзский путешественники приехали в столицу Пегу и покинули ее разными маршрутами. В религиозном плане оба автора считали жителей Авы и Пегу, как и индийцев, идолопоклонниками и разницы между буддизмом и индуизмом не отмечали. Никколо Конти, в отличие от генуэзца, подробно остановился на товарах Пегу. Напротив, о правителе Пегу сообщил только ди Санто Стефано. Очевидно, генуэзец застал монскую державу в период большого могущества, нежели во времена путешествия Конти.

Специфику Пегу на фоне других стран «Индий» оба купца показали в основном через характеристику животного и растительного миров, климатических условий. Из животных Индокитая слон более других заслужил внимание путешественников. Образные системы в отчетах венецианца и генуэзца, положенные в основу географических портретов Авы и Пегу, сконструированы из разных знаковых элементов. Главным товаром Авы в травелоге Конти были генитальные бубенчики — важный атрибут сексуальной культуры Мьянмы. Конти противопоставил континентальную Юго-Восточную Азию Нусантаре на матримониальном уровне. Если многоженство яванцев рассказчик объяснял необузданностью мужчин, то в рассказе об Аве мужчины предстают умереннее в плотском желании, чем их жены, и бирманцы, идущие, звеня о бедра бубенцами [Bracciolini, p. 132], выглядели скорее жертвами женского сластолюбия. Ди Санто Стефано указывал вероисповедание правителя каждой увиденной им страны. Конти же пытался отыскать в молитвах жителей Мацина идеи, роднящие их веру с христианством, а об исламе в Индии, Аракане и Нусантаре умолчал, что, по-видимому, связано с его желанием затушевать обстоятельства своего вынужденного отречения от христианства.

В целом, эти отчеты способствовали расширению ментальной карты европейцев, в которой образы Востока становились более осязаемыми и — во всех смыслах — более чувственными. Хотя некоторые из консервативных стереотипов Средневековья, как баснословные народы и чудища, отступали, другие же, вроде представления о дальней Индии как о крае несметных сокровищ и эротической экзотики, напротив, укрепились и обрели в Новое время новую жизнь.

Ат-Табари. История пророков и царей // Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л., 1960. С. 96–105. [At-Tabari. Istorija prorokov i carej // Arabskie istochniki VII–X vekov po jetnografii i istorii Afriki juzhnee Sahary. M.; L., 1960. S. 96–105.]

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5 : Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. [Bartol'd V. V. Sochinenija. T. 5 : Raboty po istorii i filologii tjurkskih i mongol'skih narodov. M., 1968.]

Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках. М., 1982. [Berzin Je. O. Jugo-Vostochnaja Azija v XIII–XVI vekah. M., 1982.]

Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 3. / редкол.: А. И. Кобзев и др. М., 2012. С. 78–88. [Volkov I. V. Svedenija o Kitae v sochinenii venecianca Iosafata Barbaro // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. 42, ch. 3. / redkol.: A. I. Kobzev i dr. M., 2012. S. 78–88.]

История Востока : в 6 т. Т. 2 : Восток в средние века / гл. редкол.: Р. Б. Рыбаков (предисл.) и др. ; отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 2002. [Istorija Vostoka : v 6 t. T. 2 : Vostok v srednie veka / gl. redkol.: R. B. Rybakov (predisl.) i dr. ; otv. red. L. B. Alaev, K. Z. Ashrafjan. M., 2002.]

Книга Марко Поло / предисл. В. В. Бартольда. М., 2012. [Kniga Marko Polo / predisl. V. V. Bartol'da. M., 2012.]

Козьма П. Н. Наш человек в Мьянме. М., 2014. [Koz'ma P. N. Nash chelovek v M'janme. M., 2014.]

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. М., 2008. [Le Goff Zh., Trjuon N. Istorija tela v Srednie veka. M., 2008.]

Луцицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. [Luchickaja S. I. Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov. SPb., 2001.]

Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987. [Mahabharata. Kniga tret'ja. Lesnaja (Aran'jakaparva) / per. s sanskr., predisl. i komment. Ja. V. Vasil'kova i S. L. Nevelevoj. M., 1987.]

Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. СПб., 1998. [Mel'nikova E. A. Obraz mira. Geograficheskie predstavlenija v Zapadnoj i Severnoj Evrope. V–XIV veka. SPb., 1998.]

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. М. ; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. [Rashid ad-Din. Sbornik letopisej / per. s pers. O. I. Smirnovoj, red. prof. A. A. Semenova. M. ; L., 1952. T. 1. Kn. 2.]

Сайд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. [Said Je. V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb., 2006.]

Сказки народов Бирмы / пер. с бирман. ; сост. В. Б. Касевича и Ю. М. Осипова ; примеч. В. Б. Касевича ; предисл. Д. В. Деопика. М., 1976. [Skazki narodov Birmy / per. s birman. ; sost. V. B. Kasevicha i Ju. M. Osipova ; primech. V. B. Kasevicha ; predisl. D. V. Deopika. M., 1976.]

Тафур П. Странствия и путешествия // пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиела Санчеса. М., 2006. [Tafur P. Stranstvija i puteshestvija // per., predisl. i komment. L. K. Masiela Sanches. M., 2006.]

Торчинов Е. В. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1999. [Torchinov E. V. Daosizm: opyt istoriko-religioznogo opisanija. SPb., 1999.]

Хёйзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб., 2011. [Hjojzinga J. Osen' Srednevekov'ja / sost., predisl. i per. s niderl. D. V. Sil'vestrova ; komment., ukazateli D. Je. Haritonovicha. SPb., 2011.]

Черняк И. Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 262–267. [Chernjak I. H. Soteriologija Fomy Akvinskogo i renessansnye predstavlenija o spasenii pravednyh jazychnikov // Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Vyp. 5 / pod red. G. E. Lebedevoj. SPb., 2005. S. 262–267.]

Balbi G. Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, Gioielliero Venetiano. Venezia, 1590.

Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.

Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. Vol. 2. № 2. 2004. P. 100–109.

Fox-Stuart M. Historical Dictionary of Laos. Lanham, 2008.

Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / ed. par A.-L. Amilhat-Szary. Paris, 2004.

- Nocentelli C.* Europe, Asia, and the Making of Early Modern Identity. Philadelphia, 2013.
- Phillips K. M.* Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia, 2014.
- Pliny the Elder.* Natural History / with an English transl. by H. Rackham. London, 1967. Vol. 3, Libri 8–11.
- Quaritch Wales H. G.* Siamese State Ceremonies: Their History and Function. Richmond, Surrey, 1992.
- Rogers F.* The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery. Minneapolis, 1962.
- Santo Stefano H. di.* Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 1–10.
- The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. 1 : From Early Times to c. 1800 / ed. by N. Tarling. Cambridge, 1992.
- The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 1–39.
- Varthema L. de.* The Travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia, A. D. 1503 to 1508. L., 1863.
- Yule H.* A Narrative of the Mission Sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855, with Notices of the Country, Government, and People. L., 1858.

Статья поступила в редакцию 13.03.2015 г.

УДК 821.161.1-312.2 + 2-522 + 27-57

В. В. Абашев

«МЫСЛЯЩИЙ РЕАЛИСТ» В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ. ЗАПИСКИ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА О СИНАЕ И ПАЛЕСТИНЕ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга «Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года» пермского просветителя Дмитрия Смышляева анализируется в контексте русской паломнической литературы. Показано, что, вступая в диалог с традицией, писатель полемизирует с ее каноном. Своими заметками Смышляев предложил новую вариацию жанра в духе «эпохи реализма» 1860-х гг. Его повествование организуется противоречивым сочетанием двух дискурсов: ученого и собственно путеводительного. В травелог Смышляева совмещаются как разнородные слои письма, так и разные пласты сознания: религиозного и критического сознания русского «мыслящего реалиста» 1860-х гг. с его рациональным десакрализирующим взглядом на окружающее, с его ориентацией на «дельность», — один из ключевых концептов эпохи 1860-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паломничество; травелог; русская культура 1860-х гг.; Д. Д. Смышляев; А. Н. Муравьев; А. С. Норов.

Путевые заметки пермского просветителя Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893) о путешествии по Ближнему Востоку заняли достойное место в русской палестиноведческой литературе XIX в. Недавно в числе немногих путешествий в Святую Землю того времени они были переизданы. Современный